

необратимость сталинизма стала очевидной для многих, должны были продемонстрировать читателям романа всю тщету душевных порывов доктора Христа, всю бесплодность его земного существования, так нелепо и случайно завершившегося в дверях московского трамвая. Однако память о нем близких и друзей (бесстрастно, отстраненно сообщенная повествователем и гораздо более горячо высказанная ими самими в разных ситуациях), растрепанные страницы дневника Юрия Андреевича, тетрадь его стихов, завершающая роман и соотнесенная символически и ассоциативно со множеством мотивов, деталей, фраз, ситуаций романного целого, свидетельствуют вопреки всему о бессмертии этой личности, о неповторимости ее вклада в жизнь и судьбы других людей, о неуничтожимости, вечности той великой культуры, тех нравственных ценностей, тех вечных истин и заповедей, которые он носил в себе, проповедовал среди окружающих и запечатлел в своем художественном творчестве... Существование доктора Живаго было *плодотворным существованием*, и жизнь его, при всей неосомненности ее крушения, не была бессмысленной и бесполезной.

Хрупкость и незащитность незаурядной человеческой личности перед лицом многократно превышающей человеческие возможности силы исторических обстоятельств призвана у Пастернака лишь подчеркнуть — вслед за историей Иисуса Христа — победу духа над злобой дня, суетой житейских неурядиц и социальных невзгод. Не обстоятельства (всесильные, неотвратимые, неизбежные) побеждают человека, но дух человеческий, выходя за пределы единичного человеческого существования, за пределы одинокой и беспомощной личности с ее разрывающимися от переполненности трагедиями жизни сердцем, торжествует над этими слепыми обстоятельствами (недаром *Юрий* — это *Георгий Победоносец!*). И чем страшнее, чем бесчеловечнее испытания, которым подвергается этот поэтический дух, чем безусловнее крушение этой возвышенной и самоотверженной личности, чем сильнее та нетворческая сила, которая, решившись однажды «до основанья» разрушить старый мир с тем, чтобы когда-нибудь потом построить мир совершенно новый, вместе с этим «миром насилия» насильно разрушает и духовный мир человека, — тем яснее, несомненное становится бессмертие культуры, заключенной в таком человеке, как заглавный герой пастернаковского романа («Духа Живаго»); тем отчетливее и убедительнее недостижимая высота человеческого духа, способного к воскресению из мертвых, вопреки всем силам земным и, казалось бы, вопреки законам самой природы; тем просветленнее гуманистические идеалы, уже многожды скомпрометированные упреками в нежизненности и отвлеченности, утверждаемые всем строем романа Пастернака как вечные и неотменимые ценности человечества...

Юрию Андреевичу противопоставлен натужный героизм, риторика, высокие слова. Его внешняя ординарность, обыденность, литературная вторичность, неуловимая «нехарактерность» призваны подчеркнуть, что те сокровища духа, которые позволяют ему воскреснуть, а точнее, и не умирать в духовном смысле, принадлежат, собственно, не ему, конкретному «доктору Живаго», — они принадлежат любому подлинно живому духу, любой творческой личности, каждому человеку, способному к «плодотворному существованию» для своих близких и дальних, для потомства, для прошлых и будущих поколений — они принадлежат вместе с тем всему человечеству, истории, вплоть до истоков Нового завета и Ветхого завета. Один из «малых сих», доктор Живаго, вместе с тем — и один из «великих мира сего», носителей непреходящих истин и откровений — поэтических, нравственных, философских. Остающиеся после смерти героя «Юревы писания» — как бы аналог Священному Писанию, *Новейший завет* «потерянному» в революциях и войнах XX века поколению, убеждающий, долженствующий убедить его будущих читателей в том, что связь времен не прерывается, старый мир бессмертной культуры и нравственности жив, ход жизни неостановим.